

«Работа — жизнь, и жизнь — работа...»

памяти Мстислава Александровича и Татьяны Григорьевны Цявловских

«У всех <...>, конечно, свой Пушкин, и какой из этих Пушкиных настоящий? Что никакого «настоящего» Пушкина в обширнейшей пушкиниане нет — это для меня аксиома, не требующая доказательств. Больше того, может ли быть такой Пушкин? Будет ли он когда-нибудь найден? Вероятно, его всегда будут искать и никогда не найдут», — так писал пушкинист, историк, один из основоположников отечественного пушкиноведения Мстислав Александрович Цявловский (1883–1947). Более тридцати лет занимался М. А. изучением биографии и творчества Пушкина с тем, чтобы собрать факты, которые позволят каждому найти своего, но достоверного Пушкина. Он разработал новый подход к исследованию творческой биографии и составил специальную картотеку, на основе которой была подготовлена «Летопись жизни и творчества» поэта. Эта методика послужила образцом для создания хронологических сводов жизни и творчества выдающихся деятелей культуры. Поколениям исследователей «Летопись» служит «школой археографической культуры, источниковедческого ремесла»¹.

В 1930-м году женой М. А. Цявловского, его верным помощником и последователем стала Татьяна Григорьевна Цявловская (в девичестве — Зенгер; 1897–1978). «М. А. делал из нее пушкинистку. Целыми днями они работали, сидя за письменными столами друг против друга. Т. Г. обладала талантом читать самые трудные почерка и артистически разбирала черновики Пушкина <...>»² Татьяна Григорьевна продолжила дело мужа и подготовила к печати первый том «Летописи», а позднее обобщила сведения о пушкинских рисунках и выпустила книгу «Рисунки Пушкина». «Памятником сотворенного супругами Цявловскими» назвал «Летопись» С. О. Шмидт в статье, посвященной деятельности М. А. и Т. Г.³

В 2018 году исполнилось 135 лет со дня рождения Мстислава Александровича и 40 лет со дня смерти Татьяны Григорьевны (в девичестве Зенгер) Цявловских. Всероссийский музей А. С. Пушкина отметил эти даты выставкой «Они жили Пушкиным...». Вначале планировалась книжная выставка, однако предварительный обзор материалов, хранящихся в фондах музея, показал, что ограничиться только книгами невозможно⁴: на выставке были показаны рукописи, фотографии, графика и мемориальные вещи Цявловских.

Некоторые материалы Т. Г. передала в музей в 70-е годы. Значительная часть предметов была привезена М. В. Бокариус после смерти Т. Г. в 1978 году. История этого поступления любопытна: Марина Витальевна попросила душеприказчицу Цявловской К. П. Богаевскую, прежде всего, собрать для музея то, что было на письменном столе. Богаевская была изумлена: «Марина Витальевна, вы уж всякую *ерунду* берете», — резюмировала она, когда М. В. отложила для музея старую записную книжку, перекидной календарь, обрывки записок. Но М. В. была непреклонна... Груз, который она везла из Москвы на Мойку, 12, превосходил по весу ее саму. Однако увезти все в руках было невозможно, и М. В. попросила сохранить часть вещей до того времени, когда будет организована доставка. Ее постигло разочарование: кресло и письменный стол, за которым Цявловские работали, на котором потом стоял гроб М. А., а спустя три десятка лет — гроб Т. Г., следующего приезда не дождались, и в музейное собрание не попали. А ведь стол был тот самый, о котором вспоминали все, бывавшие в доме Цявловских!

При подготовке выставки стало ясно, что «*ерунда*» и обрывки имеют большое значение, ведь благодаря им приоткрывается занавес жизни, которая была служением Пушкину и русской культуре. «Трудно представить разнообразие дел и вопросов, с которыми обращались к Цявловскому. Внучка декабриста искала подтверждения своего родства с другом Пушкина. Режиссер спрашивал о разночтениях «Бориса Годунова»; певица просила послушать пушкинские романсы в ее исполнении; художник интересовался мнением о своих иллюстрациях к «Евгению Онегину»; обладатель нерасшифрованного автографа пушкинской эпохи допытывался, кто мог быть его автором. Чтец просил посоветовать, что и в какой последовательности включить в композицию. Крупнейший хирург излагал свои соображения о состоянии Пушкина после дуэли... М. А. Цявловский слушал неодинаково: сочувственно и заинтересованно, иронически и враждебно. Но одного он не умел — слушать равнодушно»⁵. В рукописно-документальном фонде музея хранится рабочий дневник М. А. и Т. Г. Цявловских. 1936–1941 гг. Такие дневники Цявловские вели много лет, фиксируя свою научную, издательскую, организационную и просветительскую работу. Записи в них сделаны, в основном, Т. Г. Цявловской, часто под диктовку М. А. Обилие прочитанных лекций, опубликованных материалов, обнаруженных новых фактов, встреч, бесед, консультаций вызывает удивление и восхищение. Перелистывая дневник, понимаешь, что говоря о другом ученом, что его «работа — жизнь, и жизнь — работа» М. А. описывал и свою жизнь. Н. В. Кузьмин, близко знавший Цявловских, рассказывал, что, заключив договор с издательством «Academia» на иллюстрации к «Евгению Онегину» работал над рисунками более трех лет, консультируясь постоянно с редактором здания Мстиславом Александровичем Цявловским. Его тесная, забитая книгами квартира была в ту пору, в сущности, необъявленной «Пушкинской академией», где чуть не каждый вечер происходили оживленные пушкинские чтения, где каждый раз кто-нибудь

приносил сенсационную новость <...> Там можно было встретить пушкинистов всех поколений — от патриарха пушкиноведения П. Е. Щеголева до молодых московских пушкинистов — учеников Цявловского»⁶. От Т. Г. Цявловской поступил к нам подписной оригинал иллюстрации Н. В. Кузьмина к «Евгению Онегину» «Пушкин и муза», подаренный когда-то художником Цявловским.

В 2010 году М. В. Бокариус познакомила меня с удивительными людьми — москвичами Асей Петровной и Тарасом Афанасьевичем Сухомлиновыми. Приехав в Москву, я созвонилась с Асей Петровной и пришла к ним на Новый Арбат. Первое, что я увидела в доме, была светлая улыбка хозяйки. Эту улыбку забыть невозможно, — как забудешь приветствие, в котором выражена безусловная радость встречи? Потом были разговоры, книги, чай, стихи, фотографии, снова стихи, воспоминания. Ася Петровна читала стихи наизусть — много и очень красиво. Она поразила меня четкостью памяти, ясностью мышления, живостью интересов и... любовью. Они с Тарасом Афанасьевичем называли друг друга Асенька и Тасик. Просто потому, что так прожили всю жизнь, бок о бок, в любви, воистину разделяя горе и радости, богатство и бедность, болезни и здоровье. Дом Сухомлиновых стал для меня родным. Вскоре выяснилось, что Ася Петровна не только рассказывает о близких ей людях — А.А. Ахматовой, Ф.Г. Раневской, Цявловских, — но и написала о них воспоминания. Эти записи появились благодаря настойчивости и вере Тараса Афанасьевича в значительность жизненных встреч и рассказов Аси Петровны, — именно он уговорил ее писать, именно он помогал ей в этой работе. М. В. Бокариус организовала издание воспоминаний, и вышла книжка, благодаря которой рассказы Аси Петровны стали доступны читателю⁷.

Ася Петровна 16-летней девочкой попала в дом Цявловских, и Т. Г. приняла ее «как родную дочь»⁸. Рассказы Аси Петровны о Цявловских, об их доме как будто открывали двери этого дома. В музей Ася Петровна передала несколько книг, подаренных ей когда-то М. А. и Т. Г.

О книгах Цявловских, частью представленных на выставке, и пойдет речь в настоящей заметке.

В 1914 году вышло две первых пушкиноведческих работы М. А. Цявловского: подготовленное им совместно с Н. А. Синявским исследование «Пушкин в печати» (М., 1914) и «Два автографа Пушкина». О последнем издании М. А. Цявловский вспоминал: «мною были «открыты» два автографа Пушкина. Трудно передать то волнение, которое испытал я, когда мне был принесен смущенным Георгиевским автограф «Не пой, волшебница, при мне...» Первое, что я сделал, это, конечно, опрометью бросился к Бухгейму с предложением издать мою находку. Лев Эдуардович, конечно, сейчас же согласился. Для этого нужно было снять фотографии с автографов <...> Получив фотографический отпечаток с автографа, я помчался к Гершензону и заразил

его своим волнением»⁹. Два экземпляра этого издания с дарственными надписями М. А. оказались в нашем собрании. Один из них был подарен Цявловским В. И. Саитову, другой — И. А. Бычкову.

С ними обоими М. А. встретился, работая в Публичной библиотеке. Т. Г. впоследствии записала отзыв Саитова о М. А.: «Толковый человек ваш муж. — Да? — Ох, какой толковый! Я его давно знаю, еще когда он в Публичной библиотеке занимался»¹⁰. Об И. А. Бычкове вспоминал сам М. А.: «В Петербурге я просмотрел все сборники в Публичной библиотеке, где мне все очень любезно предоставлял Иван Афанасьевич Бычков, не решившийся, однако, оставить меня одного с большим количеством автографов Батюшковой и приставивший ко мне в качестве наблюдающего известного Христофора Лопарева»¹¹.

Цявловский М. А. Два автографа Пушкина : С двумя снимками. — Москва: Издание Л. Э. Бухгейм, 1914. — 16 с., [2] л. ил.

На тит. л. одного экз.: «Многоуважаемому Владимиру Ивановичу Саитову от автора. М. 30. V. 914». На 2-й с. обл. : «Из собр. Саитова».

На тит. л. другого экз.: «Многоуважаемому Ивану Афанасьевичу Бычкову от автора. М. 23. V. 914».

В 1926 году М. А. сам получил книжный подарок — это был первый выпуск подготовленного В. В. Вересаевым издания «Пушкин в жизни». М. В. Сабашников так вспоминал об этом издании: «Цявловский<...> был чужд всякого искательства и завистливости. Он давно лелеял мысль об издании собрания мемуаров о Пушкине. План издания был тщательно обдуман. Библиографические справки занесены на карточки. Тексты подобраны. Издательство наше готовилось предпринять издание и даже выдало Мстиславу Александровичу аванс. Но дело затянулось. Тем временем, Вересаев, навещавший М. А. Цявловского как любитель Пушкина, одолжался карточками и библиотекой Мстислава Александровича. В результате вышла его книга «Пушкин в жизни», выдержавшая много изданий»¹².

Вересаев вспоминал об этом позднее: «Я в то время составлял мою книгу «Пушкин в жизни» — свод материалов, всесторонне касающихся бытовой жизни Пушкина. По задачам книги меня интересовала всякая мелочь, касавшаяся его <...> Огромную здесь помощь мне оказывал Цявловский. А он удовлетворенно говорил: “Наконец я имею дело с человеком, которого интересует и всякая, самая ничтожная, мелочь, касающаяся Пушкина!”»¹³

М. А. считал, что книга «Пушкин в жизни» помешала издать задуманный свод полных воспоминаний о Пушкине. «Кстати, о Вересаеве-пушкинисте. Таковым он сделался совсем недавно на моих глазах<...> он пришел ко мне, прося указаний в области воспоминаний о Пушкине. По его словам, он решил прочесть все мемуары о Пушкине. К этому времени у меня уже имелась картотека таковых. Я ее ему предоставил. Пользуясь ею, он стал систематически

у меня брать книги, между прочим, перебрал весь «Исторический вестник». В результате этого чтения, как он сам рассказывает в предисловии к первому изданию своей книги «Пушкин в жизни», получился этот труд. Придя как-то ко мне, Вересаев не без заметного смущения «признался» мне, что он выпускает книгу, явившуюся результатом штудирования моей картотеки и чтения взятых у меня книг. Нужно сказать, что до этого я неоднократно говорил Викентию Викентьевичу о своем плане издания полного собрания мемуаров о Пушкине с моим предисловием и комментариями»¹⁴.

Вероятно, тогда Вересаев подарил М. А. первый выпуск своей книги, а затем и последующие (причем, третий выпуск был уже частью второго издания). В наше собрание эти книги передала А. П. Сухомлинова (а ей они были подарены Т. Г. Цявловской).

Вересаев В. В. Пушкин в жизни : (Систематический свод подлинных свидетельств современников). — В 4-х вып. — М.: Новая Москва, 1926–1927.

Вып. 1. — 1926. — 148 с.

На тит. л. : «Дорогому Мстиславу Александровичу Цявловскому от составителя. Москва. 12/V. 1926»

Вып. 2. — 1926. — 160 с.

На тит. л. : «Дорогому Мстиславу Александровичу Цявловскому от составителя. Москва. 3/X. 1926»

Вересаев В. В. Пушкин в жизни : (Систематический свод подлинных свидетельств современников). — 2-е изд., знач. доп. — М.: (16-я тип. Мосполиграф), 1927–1928. — (Литературно-художественная библиотека «Недра»).

Вып. 3. — 1927. — 150, [2] с.

На тит. л. : «Дорогому Мстиславу Александровичу Цявловскому. В. Вересаев. Москва. 19/IV. 28». На 1-й с. обл. и на тит. л. факсимиле М. Цявловского.

В 1927 году вышел в свет первый том сборника «Московский пушкинист». Эту книгу М. А. подарил Б. Л. Модзалевскому.

В воспоминаниях о М. А. часто передают слова В. В. Вересаева: «Пушкинистам всем известно, что Цявловский в Москве — и еще Б. Л. Модзалевский в Ленинграде — знают о Пушкине все. Чего они не знают, того уже никто не знает»¹⁵. Так, вероятно, это и было. Борис Львович Модзалевский и Мстислав Александрович Цявловский — столпы отечественного пушкиноведения. Тем более интересны характеристики, данные ими друг другу. В статье «Работы П. В. Анненкова о Пушкине»

Б. Л. Модзалевский констатировал: «Пушкиноведение из области просвещенного любительства или более или менее случайного занятия переходит на степень пристального исследовательского труда, начав с проверки того, что в области изучения текстов и биографии Пушкина было сделано в предыдущие десятилетия <...> Задачам пересмотра, ревизии того, что сделано было по вопросам пушкиноведения, посвящены многие капитальные работы <...> и наконец, М. А. Цявловского, который недавно издал в своей, как всегда, ювелирно-тонкой и изящной обработке записанные много лет тому назад П. И. Бартеневым рассказы о Пушкине нескольких современников, друзей и знакомых поэта»¹⁶. Речь шла о подготовленном М. А. Цявловским в 1925 году издании «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851–1860 гг.» Книга вышла в серии «Записи прошлого», основанной Сабашниковым, который привлек М. А. к подготовке, комментированию и редактированию нескольких изданий. Об этой же книге Б. Л. Модзалевский писал: «Дорогой Мстислав Александрович, столько дней я собираюсь поблагодарить Вас за присылку вашей Бартеневско-Пушкинской книги и все никак не могу собраться, а между тем мне хотелось бы не только написать спасибо, но громко-громко его прокричать, так, чтобы отсюда Вы услышали мой голос в Москве. А потому громко прокричать, что, читая книгу, я находился в величайшем возбуждении и волнении: так много в ней важного, интересного, животрепещущего»¹⁷.

М. А. Цявловский в статье, посвященной памяти Б. Л. Модзалевского, отмечал: «пушкиноведение должно было начать с выискивания, собирания и концентрации подлежащих изучению материалов и, в первую очередь, конечно, рукописей самого Пушкина. Это, поистине, — тот фундамент, без которого не может быть прочной постройки. В этой работе, малоблагодарной, публике обычно неизвестной, требующей огромных затрат энергии, выдержки, настойчивости, такта и терпения, Борису Львовичу принадлежит — я это говорю без малейшего колебания — первая роль»¹⁸.

Оба ученых отличались скрупулезностью, неутомимостью в работе, предельно внимательным отношением к фактическому материалу, а также щедростью: их справками, книгами, выписками широко пользовались не только пушкинисты и филологи, но и представители других профессий. Пламенная любовь к русской культуре, невероятная эрудиция позволили им поднять пушкиноведение и историко-филологические науки в целом на новый уровень. Любопытно, что при сопоставлении воспоминаний и отзывов современников, встречаем сходные характеристики.

«Интересно, как он [Б. Л. Модзалевский] составлял свои материалы. С 1892 г. он почти все книги читал с карандашом или пером в руках и выписывал на карточки собственные имена. Это было не только регистрирование выдающихся имен — им было взято широкое окружение поэта <...> Накопились сотни две–три тысяч карточек <...> Эту картотеку и мы знаем, москвичи. Он

давал ей пользоваться. Он был исключительно богат. Это был замечательный человек по благодушному отношению. На направленный мною к нему вопрос о Сабуровых он написал мне целых десять страниц. Соответственно картотеке значения была и его библиотека. Эти два аппарата давали ему возможность быть единственным комментатором, единственным специалистом»¹⁹.

«Огромная библиотека Цявловского содержит в себе все, что хоть в отдаленной степени касается Пушкина. Стены его маленькой квартиры в Новоконюшенном переулке близ Плющихи сплошь заставлены книжными полками. Полки в коридоре, в передней, над каждой дверью до потолка. Все свои заработки он тратит на книги. Замечательно его отношение к книгам. Любой исследователь или любитель может получить у него нужную ему книгу. Отношение совершенно необычное для специалиста»²⁰.

В конце 1926 года Б. Л. Модзалевский был в командировке в Москве. М. А. так вспоминал об этом: «Наконец, состоялась его поездка в Москву. Он получил отпуск на отдых. Выражение «отдых» звучит иронией. В Москве он уставал больше, чем в Петрограде, — он все время проработал в книжном и государственном фонде. В результате — большое количество вещей и картин, отобранных для Пушкинского Дома. Он в это время приходил ко мне. Я тогда же понял, что он очень и очень болен. Время своего отпуска он потратил на работу в Москве»²¹. Вероятно, после московских встреч М. А. подарил Б. Л. Модзалевскому книгу.

Московский пушкинист : [Сборник]. — М., 1927. —

Т. 1 : Статьи и материалы /под редакцией М. Цявловского. — М. : Никитинские субботники, 1927. —100 с.

На обороте изд. обл. : «Дорогому Борису Львовичу Модзалевскому с искренней любовью. Мст. Цявловский. М. 9.II.1927».

О щедрости М. А. вспоминают многие современники, свидетельствуют о ней и подаренные им книги. От Аси Петровны Сухомлиновой (в девичестве — Заславской) поступило в музей миниатюрное суворинское издание Пушкина.

Пушкин А. С.Евгений Онегин : роман в стихах /А. С. Пушкина. — СПб.: Издание А. С. Суворина, 1912. — 972, [2] с.; 5 см.

На форзаце: «10.II.937. Милой Асе Заславской на добрую память в день 100-летней годовщины со дня смерти Пушкина. М. Цявловский».

Особый трепет вызывает последняя книга, которую читал М. А. Об этом свидетельствует запись Татьяны Григорьевны.

Раковский Л. И.Генералиссимус Суворов. — М.; Л.: ОГИЗ; Государственное издательство художественной литературы, 1947. — 580 с.

На форзаце: «Последняя книга, которую читал Мстислав — 6 и 7 ноября 1947 года, немного и 8-го. Больше читать не мог... Скончался 11-го ноября. Дочитал до стр. 178. Т. Ц. 3 марта 1948».

В годы войны М. А. из Ташкента утешал К. П. Богаевскую, оставшуюся в Москве: «Главное, голубчик, не падать духом. Я знаю, что такое настоящее большое горе, и знаю, что самое сильное средство «залить», «тушить» его — работа, работа, и работа»²². Это было опробованное средство (сам М. А. спасался работой после трагической гибели сына, утонувшего в 1926 году). Т. Г. также нашла утешение в продолжении труда, который так долго они осуществляли вместе. К 1951 году она закончила подготовку и издала первый том «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина». Один из экземпляров этой книги Т. Г. подарила нашей библиотеке:

Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1951.

Т. 1. — 1951. — XVI, 875, [5] с., 13 л. ил.

На тит. л.: «В библиотеку Пушкинского музея от Т. Цявловской».

Дом в Новоконюшенном не опустел и после ухода М. А.: друзья, коллеги продолжали приходить, помогать в работе, задавать вопросы, читать. Те, кто жили в других городах, писали письма.

В книжном фонде музея хранится серия оттисков и брошюр, подаренных Т. Г. авторами. Есть и книга с дарственной надписью Ю. Г. Оксмана:

Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Пушкин–Рылеев–Кольцов–Белинский–Тургенев : Исследования и материалы. — Саратов: Саратовское книжное издательство, 1959. — 316 с.

На свободном листе форзаца: «Дорогой Татьяне Григорьевне Цявловской четыре с половиной статьи, объединенные в сборник, интересный не для читателей, а только автору. 24 П.60. Ю. Оксман».

После смерти М. А. Ю. Г. Оксман писал Т. Г.: «Мы все в неоплатном долгу у Мстислава Александровича, мы так к нему привыкли, так с ним сжились, что, конечно, недооценивали ни его огромного значения, ни подлинной незаменимости. Как очень большой человек и настоящий большой ученый, он был на редкость скромен и детски чист душою <...> Нужно сохранить его живой образ, передав ощущение его значения и своеобразия всем тем, кто его лично не знал, кто не испытал его человеческого обаяния, кто не имел радости научного с ним общения. Ведь Мстислав Александрович был неизмеримо значительнее всего того, что он напечатал»²³. И она посвятила себя сохранению этого образа и продолжению их дела. В рукописно-документальном фонде музея хранятся папки с дополнительными материалами к «Летописи», тетради с перечнем планируемых и осуществленных работ, написанным

размашистым почерком Т. Г. Особое впечатление производит тетрадь со списком, озаглавленным «Что я должна была бы сделать в жизни», в котором перечислены темы дальнейших или начатых работ, и перекидной календарь 1977 года, где 6 июня Т. Г. записала: «Просила вызвать врача. Был. Я думала, очередной инсульт. Два раза падала<...>, каша во рту<...>Нет! Несколько повышено давление. Полежать, можно читать, даже работать. Читаю Пушкина Раевского».

А. П. и Т. А. Сухомлиновы дружили с Т. Г. и были ее поддержкой на протяжении многих лет. После похорон Т. Г. 9 июля 1978 г. А. П. записала в дневнике: «Вспоминали о встречах с Татьяной Григорьевной <...> каким добрым, отзывчивым человеком она была<...> До чего же все бренно в этом мире! Остаются одни воспоминания об ушедших в памяти живых. Как я казню себя за то, что суетность жизни мешала нашим встречам!..»²⁴К великому моему сожалению, теперь и мы эти же слова произносим, вспоминая об Асе Петровне. Но воспоминания зачастую оживают в книгах, тех, которые когда-то пришли от Т. Г. к Сухомлиновым, а от них – в музей.

Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1951.

Т. 1. — 1951. — XVI, 875, [5] с., 13 л. ил.

На форзаце: «Дорогим Асе и Тарасу — на добрую память о Мстиславе Александровиче — его последний труд — от Т. Цявловской. 7 июля 1951. Москва»

Звенья : Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли 19 века / Под ред. Влад. Бонч-Бруевича, Л. Б. Каменева и А. В. Луначарского. — М.; Л.: Academia, 1932. —

Т. 9. : Г. Р. Державин, К. Ф. Рылеев, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, И. И. Козлов, А. И. Герцен, Г. И. Успенский, Ф. М. Достоевский, В. М. Гаршин. — 1951. — 647, [1] с., [1] л. ил.

На свободном листе форзаца: «Дорогим Асе и Тарасу на память о Мстиславе Александровиче плоды его размышлений и вдохновенного труда от Т. Ц. с любовью 30 августа 1951». В книгу вложен лист с записью: «В отдел книжных фондов Всероссийского музея А. С. Пушкина. Приношу в дар подаренный мне Т. Г. Цявловской том Звеньев с ее автографом. 8 декабря 2014 года. А. Сухомлинова. Т. Сухом[линов]»

Цявловский М. А. Статьи о Пушкине / М. А. Цявловский; АН СССР отделение литературы и языка. Комиссия по истории филологических наук. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. — 436 с., 7 л. ил.

На обороте свободного листа переднего форзаца: «Дорогим моим Асе и Тарасу — на память о Мстиславе Александровиче от Т. Ц. 12 октября 1962»

Временник Пушкинской комиссии : [Сб. науч. трудов] / АН СССР
Отделение литературы и языка / Пушкинская комиссия. — М.; Л.: Наука, 1963 -

1963. — 1966. — 126 с.

На обороте обложки: «Дорогим Асеньке, Тарасу и Танечке от их верного друга. Т. Ц. 22 марта 1966».

Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. — М.: Искусство, 1970. — 168 с.: ил.

На обороте авантитула: «Дорогим моим Асе, Тарасу и Тане — на добрую память от Т. Цявловской с любовью 16 сентября 1970»

Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей» / Науч. ред. и сост. Т. Г. Цявловская. — М.: Молодая гвардия, 1966–1974.

Т. 10. — 1974. — 424 с.

На с. 1: «Дорогим моим Асику, Тарасу и Танечке — на добрую память — от любящей их Т. Цявловской. 26.XI.1974»

Пушкин А. С. Болдинская осень : Стихотворения, поэмы, маленькие трагедии, повести, сказки, письма, критические статьи, написанные А. С. Пушкиным в селе Болдине Лукояновского уезда Нижегородской губернии осенью 1830 года / Составитель Н. В. Колосова; Сопроводительный текст В. И. Порудоминского и Н. Я. Эйдельмана; Иллюстрации П. Л. Бунина. — М.: Молодая гвардия, 1974. — 448 с.: ил.

На обороте форзаца: «Дорогой моей Асеньке, — прошло около сорока лет, а ты все та же — молодая, горячая, принципиальная, обаятельная. Твоя Т. Ц. 4 декабря 1974»

В нашем собрании находятся также авторефераты диссертаций, отписки статей, брошюры, подаренные Т. Г. Цявловской авторами, благодарными ей за внимание, отзывчивость, заботу и знания, которыми она, видимо, щедро делилась.

Книги Цявловских, хранящиеся в нашем собрании, являются замечательной иллюстрацией к воспоминаниям современников об этих удивительных людях, об их работе, которая, став жизнью, превратилась в служение.

¹Шмидт С. О. М. А. и Т. Г. Цявловские (к изданию научного наследия пушкинистов) // Вестник архивиста : Спец. вып., посвящ. 200-лет. юбилею А.С. Пушкина. М., 1999. С. 203. Статья С. О. Шмидта наряду с публикациями С. М. Бонди (Бонди С. М. М. А. Цявловский и его статьи о Пушкине // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 3–10) и К. П. Богаевской (Богаевская К. П. Т. Г. Цявловская — пушкинист // Пушкин : Исследования и материалы. Т. 12. Л., 1986. С. 382–395) остается пока одним из самых полных очерков деятельности Цявловских.

²Богаевская К. П. Рядом с Цявловскими // Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина. М., 2000. С.9

³ Шмидт С. О. Указ. соч. С. 204.

⁴Некоторые материалы музейного собрания описаны в 1990-е годы сотрудниками музея. См., например: Меньшова И. А. Автографы пушкинистов // Иду вдоль книжных полок... : Из собрания книжных фондов Всероссийского музея А. С. Пушкина. СПб., 1995. С. 47–87; Пролет Е. В. Портреты и реликвии пушкинистов в собрании ВМП // Страницы истории пушкиноведения : Сборник научных трудов. СПб, 1994. С. 116–122. Однако полное описание материалов Цявловских, хранящихся в музее, все еще ждет своего часа.

⁵ Из воспоминаний С. А. Гуревича. Цит. по: Розова К. А. Подарок пушкиниста М. А. Цявловского. М., 2001. С. 38–39

⁶Кузьмин Н. В. Давно и недавно. М., 1982. С. 63-64

⁷ Сухомлинова А. П. Дорогие сердцу имена. СПб., 2011. Позже было подготовлено второе издание, в которое вошли также воспоминания о В. И. Мухиной и М. С. Лифарь (СПб., 2014).

⁸См. об этом: Сухомлинова А. П. Дорогие сердцу имена. СПб., 2014. С. 29–32 и Богаевская К. П. Рядом с Цявловскими // Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина / Издание подготовили К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000. С. 11.

⁹М. Цявловский. Записки пушкиниста... С. 37–38

¹⁰Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина. М., 2000. С. 225

¹¹М. Цявловский. Записки пушкиниста... С. 39

¹²Сабашников М. В. Воспоминания. М., 1988. С. 444

-
- ¹³Вересаев В. В. Священнослужитель божества // Вересаев В. В. Сочинения в двух томах. Т. 2. : Рассказы 1905–1945. М. 1982. С. 393
- ¹⁴М.Цявловский. Записки пушкиниста... С. 58.
- ¹⁵Вересаев В. В. Указ. соч. С. 388
- ¹⁶Модзалевский Б. Л. Работы П. В. Анненкова о Пушкине // Модзалевский Б. Л. Статьи о Пушкине. М., 2017. С. 222–223
- ¹⁷Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина. М., 2000. С. 224
- ¹⁸Цявловский М. А. Б. Л. Модзалевский // Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина. М., 2000. С. 169
- ¹⁹Там же. С. 172
- ²⁰Вересаев В. В. Указ соч. С. 388
- ²¹Цявловский М. А. Б. Л. Модзалевский... С. 170. См. об этой командировке также: Пушкинский Дом : материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С.185
- ²²Богаевская К. П. Воспоминания о М. А. Цявловском // Литературное обозрение. Вып. 5. М., 1991. С. 108.
- ²³Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина. М., 2000. С. 299
- ²⁴Сухомлинова А. П. Указ. соч. С. 49